

Глава 60. Ты собрался изуродовать моего брата?

Линь Хань узнал об этом вовремя. Более того, он услышал новости даже раньше Линь Фэна, который почтительно именовал Цуй Гуана дядей.

Благодаря длинным языкам и страсти к сплетням некоторых крупных боссов — которые в искусстве перемывания костей могли бы дать фору любой старушке у подъезда, — Линь Хань всего за сорок минут принял три или четыре звонка. Звонили близкие друзья: кто-то хотел предупредить, кто-то — просто посочувствовать.

Круг «золотой молодежи» в городе С был тесен. Все друг друга знали, все со всеми общались. И так уж вышло, что сегодня на ежегодном собрании присутствовали либо старшие родственники его друзей, либо сами друзья, которых притащили туда «выходить в свет» и заводить полезные знакомства.

У молодых людей кровь кипела быстрее, чем у их расчетливых отцов. Они еще не научились закрывать глаза на чужие прегрешения и делать вид, что ничего не происходит. В их мире всё было просто и однозначно: отец их бро — изменник!

Они были уверены: Линь Хань, бедняга, до сих пор пребывает в блаженном неведении. Наверняка отец и дядя сговорились, чтобы водить его и мать за нос!

Конечно, в их кругах содержанки не были редкостью, но даже в таких делах следовало соблюдать приличия и уважать чувства семьи. Кто собрался на этом съезде? Даже те, кто вел себя скромно, в своих отраслях были фигурами такого масштаба, что от одного их шага содрогался весь рынок.

И вот в такой официальной обстановке отец Линь Ханя, никого не стесняясь, принимает звонок от своей «пассии» и во всеуслышание заявляет: «Я тебя люблю». Он даже не потрудился отойти в укромный уголок! Сделал пару шагов в сторону — и всё.

С такого расстояния, даже если не вслушиваться, можно было разобрать добрых семьдесят процентов разговора.

Это ли не прямое оскорбление? Это ли не плевок в лицо жене и сыну?

Разве такое можно терпеть?

Даже если Линь Хань решит проглотить обиду, его друзья — никогда! К тому же, зная взрывной характер Ханя, они понимали: раз он еще не разнес полгорода, значит, точно ничего не знает.

***

Перенесемся на несколько десятков минут назад. Линь Хань принимает первый звонок от своего лучшего друга «А».

— Что ты несешь?! Ты уверен, что говоришь именно о моем отце? — Линь Хань едва не рассмеялся. Он решил, что это какой-то розыгрыш или наказание за проигранное пари.

Но в описании друга «А», который присутствовал на собрании вместе со своим родителем, Линь Цзинли предстал совершенно иным человеком: ослепленным страстью, потерявшим голову от любви старым дураком, которого любовница вьет как веревки. Первой реакцией Ханя было категорическое неверие.

Друг «А» — Цзи Ичэн — занервничал, услышав скепсис в голосе товарища. «Точно! — подумал он. — Хань ни сном ни духом!»

— Да не веришь ты — и не надо! Если бы это были просто слухи, я бы и слова не сказал. Но я сегодня стоял рядом с моим стариком и всё слышал своими ушами! Между мной и твоим отцом было не больше семи метров! Мой батя запретил мне тебе рассказывать, велел прикинуться глухонемым. Но какой я тебе после этого бро, если промолчу? Я притворился, что у меня живот прихватило, и заперся в туалете, чтобы тебе набрать.

Линь Хань нахмурился. Повода лгать у Ичэна действительно не было.

Пока мозг Ханя лихорадочно анализировал информацию, пытаясь отделить зерна от плевел, Ичэн принялся в красках описывать нежный тон, которым Линь Цзинли ворковал в трубку. В конце он вынес вердикт:

— Банкет закончится до обеда. Твой отец ведь обычно не остается на общую трапезу? Я слышал, как он сказал, что собирается купить подарок для своей «Фэйфэй». Сегодня первый день нового года, дел у него быть не должно. Просто посмотри, придет он домой обедать или нет. Если не придет — значит, поехал к ней с подарками.

Проверка была простой и логичной. Линь Хань невольно согласился: отец всегда старался обедать дома, если в компании не случалось аврала. Даже если он был завален работой, он предпочитал брать документы домой, чтобы провести вечер с семьей. Для Линь Цзинли это был священный ритуал поддержания близости.

Если сегодня он действительно свободен, но не вернется к обеду, то...

— Цзи Ичэн, ты ведь знаешь, что бывает за ложные донесения? — Линь Хань запомнил каждое слово, но голос его звучал угрожающе.

Ичэн, не колеблясь, ударил себя кулаком в грудь:

— Знаю. Суп Менпо и пытки. Если я соврал хоть в одном слове — делай со мной что хочешь.

«Суп Менпо» был легендарным напитком в их компании. Его изобрел один кулинарный гений из их круга. Рецепт был прост и ужасен: за основу брались соевый соус, чеснок и лук, к которым добавлялись мед, сок хауттуйнии, перец «дыхание дьявола», вонючий тофу и рассол от консервированной сельди. Эффект был мгновенным: выпивший мечтал лишь о том, чтобы поскорее отправиться на тот свет, теряя и память, и вкусовые рецепторы. Отсюда и название. Этот «деликатес» быстро вытеснил из их игр банальный сок горькой тыквы с лимоном.

Линь Хань повесил трубку. Его брови, до этого расслабленные, сошлись у переносицы.

— Братик, что случилось? — Фэйфэй, стоявший рядом, легонько потянул его за край одежды.

Закончив игру с друзьями, малыш решил проявить гостеприимство. Он оставил ребят в своей игровой комнате смотреть мультики, а сам вышел, чтобы набрать для них свежих фруктов. Цуй Юань и остальные хотели пойти с ним, но тут проснулся Линь Хань и подхватил Фэйфэя на руки. В итоге решили, что Хань сам отведет малыша в сад — детей было слишком много, и Линь Хань боялся, что не уследит за всеми. Линь Ци, Линь Линь и старший брат куда-то запропастились.

И вот, едва они дошли до ворот сада, раздался звонок. Малыш, которого спустили на землю, послушно стоял рядом и ждал, пока брат закончит разговор.

Линь Хань покачал головой:

— Ничего особенного. Подожди еще минутку, хорошо?

— Хорошо, — кроха прислонился к ноге брата, не шумя и не капризничая.

Линь Хань не собирался просто ждать обеда, как советовал Ичэн. Он достал телефон, намереваясь позвонить отцу напрямую. Он твердо верил: в семье главное — доверие. Подозрение — это крошечная трещина, которая со временем превращается в пропасть. Если позволить ей расти, ты начнешь верить своим глазам, чужим словам — чему угодно, но только не человеку, которого любишь.

«Подозрение в краже топора», как говорится в старой притче.

Но не успел он набрать номер, как телефон снова завибрировал.

Голос друга «Б» в трубке был полон нетерпения и негодования:

— Наконец-то ты взял! Я звонил несколько раз, было занято. Еще минута — и мой старик

решил бы, что я провалился в унитаз.

Начало было до боли знакомым. Линь Хань осторожно спросил:

— Ты тоже хочешь мне что-то рассказать?

— Откуда ты знаешь? — удивился друг «Б». — Неужели тебе уже донесли? Хань, я и не знал, что ты такой кремень. Как ты это терпишь?

— Пока ничего не подтверждено... — Линь Хань хотел сказать, что сначала спросит отца, но не успел. Его вспыльчивый друг — Го Кай — уже застрочил как из пулемета.

— Что тут подтверждать?! Я слышал всё своими ушами! Чего ты ждешь? Пока эта девица родит тебе братика или сестренку и придет в дом Линь требовать трон? Я тебе говорю, твой отец на нее серьезно запал. По его тону даже за несколько метров было ясно: эта особа доставляет ему огромную радость.

Го Кай распалялся всё сильнее, явно проецируя ситуацию на себя. Его родители когда-то поженились по расчету, но жили в мире и согласии. Атмосфера в доме была теплой, пока в один прекрасный день его отец не сошел с ума. Он потребовал развода, заявив, что нашел «настоящую любовь».

Отец говорил, что только с той женщиной чувствует себя счастливым и живым. Ради этого он был готов на всё. Та дама не желала быть любовницей, и отец, наплевав на чувства жены и взрослого сына, настоял на разводе. Через неделю после оформления бумаг он женился снова. Если бы та женщина до сих пор не оставалась бесплодной, Го Кай не был бы уверен, нашлось бы ему место в новом доме отца.

— Мой старик тогда... я до сих пор не знаю, ненавидеть его или завидовать. Он растоптал маму, растоптал меня. Но сам он живет припеваючи. После развода он сказал мне, что никогда в жизни так сильно не хотел быть с кем-то. С ней он просто счастлив, и ради этого мига стоит рискнуть всем. Он назвал это «благословением небес».

— Сяо Хань, послушай меня. Каким бы рассудительным ни был человек, в таких делах логика бессильна. Если бы я оказался на месте отца и встретил такую женщину, я не уверен, что смог бы устоять, — предостерег Го Кай. — Если хочешь сохранить семью, не спускай это на тормозах. Как только найдешь её — руби под корень, пока чувства не окрепли, иначе потом твой отец возненавидит тебя за то, что ты лишил его счастья.

В голове Линь Ханя что-то мелькнуло, какая-то догадка, но он не успел её поймать. Он понимал, что для Го Кая эта тема — незаживающая рана, и раз он решился на такие откровения, значит, действительно переживает за друга.

С Го Каем нельзя было отделиваться шутками, как с Ичэном. Линь Хань серьезно пообещал, что будет начеку.

— Вот и ладно. Если что понадобится — только свистни. Братва всегда поможет, — сказал напоследок Го Кай.

— Спасибо, Кай-гэ. Я справлюсь.

Линь Хань повесил трубку. После этого разговора он совсем забыл о звонке отцу. Он присел на каменную плиту у входа в сад, пытаясь разложить всё по полочкам. Заодно он подхватил малыша и усадил его к себе на колени.

— Братик, что случилось? Тебе грустно? — Линь Хань старался не подавать виду, но чуткий Фэйфэй мгновенно уловил перемену в его ауре.

Хань посмотрел на кроху и решил промолчать.

Ну как он мог это объяснить? Сказать: «Знаешь, Фэйфэй, мне тут позвонили и сказали, что твой дядя, мой отец, завел любовницу, которая, по словам Го Кая, может быть его "настоящей любовью"»??

У него на душе было скверно. Будь рядом Линь Ци, Линь Линь или Линь И, он бы, может, и выговорился, но Фэйфэй... Грязь взрослого мира не должна касаться этой чистой души. Это было его незыблемым правилом.

Он чувствовал, что в словах Го Кая была какая-то зацепка, но не успел додумать — телефон зазвонил в третий раз.

Линь Хань взглянул на экран. Теперь он был готов. Не дожидаясь, пока на том конце заговорят, он выпалил:

— Ты в туалете? Долго ждал? Еще немного — и твой батя пошел бы проверять, не смыло ли тебя в канализацию?

— Я...

— Ладно, не «якай». Выходи давай, а то пропитаешься запахами.

— Ты...

— И не «тыкай». Я уже всё знаю. Хочу побыть один, не доставай меня.

Последний из друзей — Цзян Ян — успел вставить слово в образовавшуюся паузу:

— У меня есть запись! Хочешь послушать? Я записал на собрании, пока никто не видел. Правда, не сразу сообразил, начало пропустил, но послушай — остальные-то точно до такого не додумались!

Он так торопился, что даже не делал вдохов между фразами. Закончив, он хотел было перевести дух, но вовремя вспомнил, что всё еще в туалете, и сдержался.

— Запись? — Линь Хань замер, не спеша нажимать на «отбой».

— Ага, запись. Сейчас включу.

Цзян Ян включил громкую связь и запустил аудио. Из-за шума толпы запись была грязной, голос Линь Цзинли пробивался сквозь гул лишь обрывками слов. Кое-что было почти не разобрать.

Линь Хань слушал очень внимательно. И чем дольше он слушал, тем страннее становилось выражение его лица.

Когда запись закончилась, Цзян Ян самодовольно произнес:

— Тебе уже звонили, да? Но никто из них не догадался собрать улики. Голословные обвинения — это одно, а доказательства — совсем другое.

Вдоволь нагордившись своей предусмотрительностью, Цзян Ян сменил тон на сочувственный и принялся давать советы:

— Слушай, нам нужно знать врага в лицо. Я сейчас пробую, что это за «Фэйфэй» такая. Не парься, бро, только скажи слово — мы ей устроим «веселую жизнь». Эти девицы только на свою молодость и мордашки надеются. Пара случайных порезов осколком стекла — и никакая клиника в стране Н её не починит!

Как уже говорилось, к «пришлым» братьям в таких семьях особой любви не питали. Чем старше становишься, тем черствее чувства. Порой и себя-то любить не получается, что уж говорить о чужаках.

Но те, с кем ты рос с пеленок, с кем плакал, смеялся и хулиганил в далеком детстве... Эти люди занимали в сердце место, которое никто не мог занять. Цзи Ичэн, Го Кай и Цзян Ян были именно такими — братьями по духу.

Но Линь Хань не оценил этой преданности.

Услышав слово «изуродовать», он буквально взорвался:

— Ты посмел?! Только попробуй тронуть его хоть пальцем — я тебя самого в кучу гвоздей закатаю!

До Линь Ханя наконец дошло. Какая, к черту, любовница? Это же его маленький брат звонил дяде!

Ну сказал «я тебя люблю» — и что?! Ну голос стал нежным — и что в этом плохого?! Подарок захотел привезти — так это же радость! С какого перепугу вы собрались уродовать моего малыша? Он самый добрый ребенок на свете, чем он вам помешал, изверги?!

Линь Хань посмотрел на Фэйфэя, который всё еще старательно зажимал уши ладошками, продолжая считать. Глаза Ханя покраснели от нахлынувших чувств. Посмотрите на это личико — оно же само совершенство! Самое милое и красивое на свете!

В этот момент в Линь Хане проснулся режим «бешеного брата-защитника», не знающего логики:

— Слушай меня, Цзян Ян! Если с его головы хоть волосок упадет, я тебе череп вскрою! Хочешь его тронуть — сначала пройди через меня. Хотя нет! Даже не думай об этом! Забудь это имя!

Цзян Ян опешил и даже начал заикаться:

— Ч-чего? Т-ты... тебе она тоже нравится?

Мозг Цзян Яна, попав в ловушку ложных предпосылок, отказывался выбираться. Он был уверен, что речь о любовнице Линь Цзинли. И теперь в его голове выстроилась безумная схема: сначала Линь Сынянь «сводит» брата с девицей, а теперь отец и сын не поделили одну женщину? Что же это за роковая красавица такая?!

Линь Хань отрезал:

— Нравится! И «я тебя люблю» я тоже могу сказать! Я его обожаю! Он — самое дорогое, что у меня есть!

Для искреннего и открытого ребенка слова «я тебя люблю» или «ты мне нравишься» были естественными. Выразить любовь — не стыдно. Напротив, ребенку важно чувствовать, что его любят и ценят, это дает ему чувство безопасности.

Хотя сам Фэйфэй мало что помнил о прошлом, семья Линь боялась, что те два года одиночества оставили след в его душе. Поэтому они никогда не скупилась на ласку и признания. Пусть

знает: папа, дедушка, бабушка, дяди и братья — все его любят. Очень-очень сильно.

Поэтому слова сорвались с губ Линь Ханя легко и уверенно.

Цзян Ян окончательно выпал в осадок.

О мести и изуродованном лице он больше не заикался. Напротив, он начал уговаривать друга:

— Нет-нет, Хань, остынь. Она того не стоит. Ради такой ветреной и продажной женщины... Не губи себя! Тебе всего пятнадцать, ты еще несовершеннолетний! Насколько же она должна быть порочной, чтобы соблазнить ребенка?!

Видя, что Цзян Яна несет в какие-то совсем уж дикие дебри, Линь Хань вкрадчиво произнес:

— Ты что, забыл, что у меня есть брат по имени Фэйфэй?

— Нет, я не могу на это смотреть. Надо звонить Кай-гэ и остальным. Я один тебя не удержу... — Голос Цзян Яна внезапно оборвался. — П-погоди... Ты сказал, как зовут твоего брата?!

— Фэйфэй. Знакомое имя, правда? — Голос Линь Ханя стал ледяным и предвещал беду. — Прекрасно. Значит, не проверив факты, вы решили, что мой отец завел интрижку, и собрались изуродовать моего брата? Молодцы. Просто герои. Давайте-ка назначим встречу. Я принесу вам по ведру «Супа Менпо».

Не захотят пить сами? Ничего, он лично зальет его им в глотки!

<http://bllate.org/book/13654/1593238>